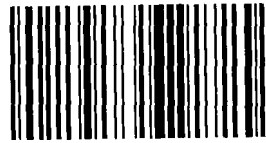

На правах рукописи

005007678

Очирова Нюдля Четыровна

**ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. ЭРЕНДЖЕНОВА**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

12 ЯНВ 2012

Элиста – 2011

Работа выполнена в отделе языкознания Учреждения Российской академии наук Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

- Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Омакаева Эллара Уляевна
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сусеева Данара Аксеновна
кандидат филологических наук, доцент
Яхонтова Наталия Сергеевна
- Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Защита состоится «20» января 2012 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.212.305.01 при ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» по адресу: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11, ауд. 218.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» (358011, Республика Калмыкия, г. Элиста, 5 мкр., студгородок).

Автореферат разослан «17» декабря 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

 Б. В. Бадмаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Диссертация посвящена комплексному исследованию прозаических произведений известного калмыцкого писателя XX в. К. Эрендженова (1912–1991 гг.) с точки зрения описания лексико-стилистических особенностей его идиолекта, отражающего литературный язык данного периода.

В связи с возросшим интересом к исследованию функционирования языковых средств в различных сферах речевой деятельности все чаще лексические единицы начинают изучаться с точки зрения их стилистической ценности. И это вполне закономерно, поскольку, как известно, объектом лингвистического стилистического анализа является язык в процессе его употребления. Таким образом, актуальность исследования состоит в необходимости детальной разработки одного из перспективных направлений современной лингвистики – лингвостилистики и, в частности, лексической стилистики.

Творчество писателей и поэтов – мастеров художественного слова – играет значительную роль в развитии любого национального литературного языка. Осмысление роли крупных писателей в истории литературного языка является одной из важнейших задач исследования языка художественной литературы [Цыдендамбаев 1982]. Идиолект писателя создается на основе национального языка определенной эпохи.

Талант писателя заключается в умении найти оптимальное соотношение общего и индивидуального: «Писатель – носитель и творец национальной культуры речи. Пользуясь общенародным языком своего времени, он отбирает и в соответствии со своим творческим замыслом объединяет разные средства словарного состава и грамматического строя своего родного языка» [Виноградов 1959, 183]. Индивидуально-авторское выступает на фоне общего в той мере, в которой языковое мастерство писателя поднимается над уровнем общего литературного языка своей эпохи [Ларин 1974].

Диссертация выполнена в русле функциональной стилистики художественного текста, рассмотрение идиостиля автора осуществляется с опорой на различные лексические микроструктуры текста в их конкретной эстетической и стилистической обусловленности.

Функциональный принцип выделения языковых стилей сформулировал Л. В. Щербой следующим образом: «Каждая стилевая разновидность языка вызывается к жизни функциональной целесообразностью. Различия между этими разновидностями литературного языка определяются их нефункциональной направленностью...» [Щерба 1957, 117–119].

Именно в силу такой взаимосвязи художественного стиля с литературным языком анализ художественных текстов не только позволяет понять все своеобразие языка отдельного произведения или же творчества писателя в целом, но и благоприятствует наиболее полному и последовательному изучению общелитературного языка.

Калмыцкая художественная литература является, на наш взгляд, квинт-эссенцией оригинального творчества на современном калмыцком литературном языке. В связи с этим представляется актуальным обращение к идиолекту известного калмыцкого писателя-прозаика К.Э. Эрэндженова, одного из самых интересных мастеров слова, самобытное творчество которого по праву занимает ведущее место в калмыцкой литературе и литературном процессе двадцатого века. Однако адекватного литературоведческого и лингвистического анализа оно не получило, неизученным остается и ономастическое пространство его произведений.

Степень изученности темы. Произведения народного калмыцкого писателя К. Эрэндженова в большей степени анализировались в литературоведческом плане, нежели с точки зрения языка. Тем не менее, яркий, красочный язык писателя не мог остаться вне поля зрения лингвистов.

Впервые анализ некоторых особенностей языка писателя дан известным калмыцким ученым А.Ш. Кичиковым [Кичиков 1963] в статье «Язык калмыцких художественных книг».

К. Эрэндженов был не только прозаиком, но и поэтом. Высокую оценку его сборнику стихов и поэм «Пылающие тюльпаны» (1963 г.) дал Ц.К. Корсункиев [Корсункиев 1965], особо выделив поэму «Старый тополь» как поэму, написанную сильным экспрессивным языком. Сила художественного слова не в том, чтобы описать красиво, а в том, чтобы в самых обыденных вещах, предметах, явлениях увидеть свою красоту, суметь оживить ее, найдя соответствующие краски.

Изучению языка отдельных произведений калмыцкой прозы и поэзии посвящены статьи Р.П. Дороевой «О языке стихотворений «Тег» и «Тесгт» Д. Кутультинова» (1973), М.У. Монраева «О некоторых языковых особенностях романа А. Балакаева «Алти Бумб» (Золотая Бумба)» (1977) и др. Таким образом, языковые и стилистические особенности произведений К. Эрэндженова до сих пор не являлись объектом специального лингвистического исследования.

Активно изучается язык художественного текста, особенно литературная ономастика, бурятскими учеными, Д.Д. Санжиной (1990, 2001), С.В. Шойбоновой (1999), В.М. Цыбиковой (1981) и др., а также монгольским исследователем Н.Я. Баатаром (1998). Лингвистическому исследованию языка бурятской художественной прозы и драмы посвящены, соответственно, докторская диссертация Д.Д. Санжиной (2001) и кандидатская диссертация О.Б. Доржиевой (2006).

Лексика должна рассматриваться в отношении структуры данного художественного текста с точки зрения современной ему лексической системы общенародного языка: «Язык литературно-художественного произведения, вливаясь в общий поток развития языка в целом, может рассматриваться как памятник и источник истории этого языка» [Виноградов 1959].

Изучение идиостиля конкретного автора интересно не только в плане наблюдения за развитием национального языка, но и для определения личного

вклада писателя в процесс языкового развития. Судьба любого художественного произведения зависит от умения автора точно формулировать свою мысль, степени мастерства владения словом, знание законов его функционирования, виртуозности в использовании изобразительно-выразительных средств языка. Лексический и фразеологический фонд калмыцкого языка, творчески использованный К. Эрендженовым в его произведениях, свидетельствует о самобытном почерке крупного мастера слова.

Объектом исследования послужила лексическая структура художественных произведений К. Эрендженова (повести «Дууч шар хөөч», «Анһучин көвүн», роман «Һалан хадһл» в двух книгах).

Предметом исследования являются лексико-стилистические особенности языка указанных произведений, в частности использование автором общепотребительной и специальной, апеллятивной и онимической лексики, устаревших слов, лексических образных, изобразительно-выразительных средств.

Цель исследования заключается в комплексном исследовании лексико-стилистических особенностей языка прозы К. Эрендженова, описании особенностей функционирования изобразительно-выразительных средств как идиостилевых черт.

Для достижения этой цели было намечено решение следующих задач:

- рассмотреть теоретические основы изучения языка художественных произведений и лингвостилистики;
- выявить предметную, признаковую и процессуальную лексику в лексической структуре анализируемых произведений К. Эрендженова и дать лексико-семантическую классификацию выделенных классов слов;
- проанализировать фразеологическую и устаревшую лексику с точки зрения ее тематического распределения, частеречной принадлежности, стилистических функций;
- дать типологию онимов, зафиксированных в исследуемых произведениях;
- выделить основные лексические образные и изобразительно-выразительные средства языка, используемые автором для экспликации идейно-художественного содержания произведения;
- охарактеризовать стилистический потенциал лексики малых жанров калмыцкого фольклора, зафиксированной в прозе писателя.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Язык прозы – это отдельный объект в лингвистическом изучении художественного текста. Выявление идиостилевых признаков осуществляется на базе комплексного лингвостилистического анализа лексики и фразеологии эрендженовской прозы. Лексический и фразеологический фонд калмыцкого языка, творчески использованный писателем в его произведениях, свидетельствует о самобытном почерке крупного мастера слова.

2. Лексика в совокупности ее семантических связей является важной составляющей идиолекта К. Эрендженова. Для постижения ее свое-

образия важен как весь «инвентарь» слов, так и их значения, стилистические функции, текстообразующий потенциал т.д. Основными лексико-семантическими группами предметной субстантивной лексики являются природная лексика, лексика хозяйственных занятий и материальной культуры, лексика социальной жизни и духовной культуры. Важное место в эрендженовской прозе занимают признаковая адъективная и процессуальная глагольная лексика.

3. Особое место в лексическом пространстве эрендженовской прозы занимает онимическая лексика. Ядро литературного ономастикона К. Эрендженова составляют, антропонимы и топонимы; зоонимы, мифонимы, теонимы относятся к околядерному пространству, а онимы других разрядов – идеонимы, космонимы, прагмонимы и др. – к периферии. Специфика поэтических онимов, в отличие от обычных, состоит в их стилистической нагрузке (характеристика персонажа). Имена собственные служат своеобразным «ключом» в раскрытии художественного замысла писателя.

4. Основное средство лексической образности прозы К. Эрендженова – тропы. Идиостиль писателя характеризуется обилием изобразительно-выразительных средств (метафора, сравнение, эпитеты), спецификой использования тропов.

Материалом исследования послужили художественные произведения К. Эрендженова повесть «Дууч шар хөөч» (Песнь чабана), «Аңһучин көвүн» (Сын охотника) и роман «Һалан хадһл» (Береги огонь) в двух книгах. Повесть «Дууч шар хөөч» была написана в 1932 г., в 60-е годы писатель возвращается к ранее созданной довоенной повести, значительно углубляет и дополняет ее. В результате большой работы повесть перерастает в роман «Һалан хадһл» в двух книгах (I – 1963, II – 1965), написанный простым и живым языком, чему способствовало прекрасное знание автором кочевого уклада, национального быта и языка. В повести «Аңһучин көвүн» (1976) через образ Мергена раскрывается судьба сына охотника, с детства впитавшего в себя запах родной степи, древние традиции и обычаи предков, воспитанного в духе патриотизма и любви к своему народу.

Методологическую основу исследования составили научно-теоретические разработки в области языка и стиля художественных произведений таких отечественных ученых-лингвистов, как О.С. Ахманова, Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, И.Р. Гальперин, А.И. Ефимов, Ю.В. Казарин, Ю.Н. Караулов, В.Д. Левин, В.А. Лукин, Л.А. Новиков, А.А. Потебня, Г.Я. Солганик, Н.М. Шанский, Л.В. Щерба и др., а также работы известных специалистов в области калмыцкой, бурятской и монгольской лексикологии, лингвостилистики и лингвистики текста: Т.А. Бертагасва, Г.Ц. Пюрбесва, В.И. Рассадина, Л.Д. Шагдарова, Д.Д. Санжиной, Г.А. Дырхеевой, И.К. Илишкина, Б.Д. Мунисва, Э.Ч. Бардаева, А.Л. Калаева, М.У. Монраева, Р.П. Харчевниковой, Д.А. Сусеевой, Н.Н. Убушаева, С.М. Трофимовой, В.Э. Очир-Горяева, П.А. Дарваева, Г.С. Биткеевой, Э.У. Омакаевой и др.

Методы и приемы исследования. В процессе исследования в основном применяются комплексные приемы лингвистического анализа, широко используемые в современном языкознании: описательно-аналитический, семантико-стилистический и сплошная выборка. Задача семантического исследования лексики художественных произведений писателя потребовала применения различных частных методов – компонентного, контекстуального, а также элементов статистического метода анализа лексических единиц. Важнейшим достоинством семантического метода исследования лексики является то, что он позволил дополнить традиционное статическое изолированное описание лексики динамическим в условиях текстового функционирования. Динамическая лексическая модель даст возможность вскрыть системные связи слов, их текстообразующий потенциал.

Научная новизна работы заключается в том, что семантические и стилистические особенности лексики художественных произведений К. Эрендженова впервые в калмыцком языкознании стали предметом специального исследования. Выявляются предпочтения автора в выборе лексических образных средств, позволяющие раскрыть систему художественных приемов, характерных для К. Эрендженова. Впервые в научный оборот вводится новый языковой материал из эрендженовской прозы.

Теоретическая значимость данного диссертационного исследования заключается в получении новых знаний, способствующих расширению и обогащению научно-теоретической базы для дальнейших исследований языка и стиля произведений калмыцких писателей и, шире, истории калмыцкого литературного языка XX века, разработки адекватных методов изучения художественного текста.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских спецкурсах, спецсеминарах по лексическому анализу и стилистике художественного текста, а также при составлении диалектологических, фразеологических, толковых словарей калмыцкого языка.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты исследования отражены в 13 научных публикациях, в том числе 3 из них – в журналах, включенных Президиумом ВАК Министерства образования и науки РФ в перечень ведущих научных журналов.

Диссертация обсуждалась на заседании отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Ее основные положения докладывались на всероссийских и международных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития», посвященная 65-летию КИГИ РАН (Элиста, 2006 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Танцевальный фольклор народов России» (Элиста, 2008 г.); Международная научная конференция «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященная 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (Элиста, 2009 г.); Международная научная конференция «Проблемы монголоведных и ал-

таистических исследований», посвященная 70-летию проф. В.И. Рассадина (Элиста, 2009 г.), а также на межрегиональных и республиканских конференциях: II-я межрегиональная научная конференция «Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы» (Элиста, 2004 г.); II-я республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Молодежь и наука: третье тысячелетие» (Элиста, 2005 г.); I-е Бертагаевские чтения, посвященные 100-летию со дня рождения Т.А. Бертагаева (Элиста, 2005 г.); Межрегиональная научная конференция «Этнопедагогическая коннотация содержания непрерывного образования», посвященная 40-летию КГУ и 70-летию Высшего образования Калмыкии (Элиста, 2010 г.).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, списка источников и принятых сокращений.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновываются выбор темы и ее актуальность, характеризуется степень изученности темы, определяются цель и задачи исследования, объект и предмет, описываются методы и приемы, материал исследования, аргументируется научная новизна, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические предпосылки исследования» состоит из 3 параграфов, где обсуждаются предмет и задачи лингвостилистики, дается стилистическая характеристика слова. Здесь рассмотрены лингвистические подходы к анализу и систематизации лексики художественного текста, изучению семантики текстовых лексических единиц и смысловой структуры текста в целом, а также концептуальных и стилистических особенностей авторского идиостиля. Лексический уровень текста репрезентирует концептуальную систему автора, и в то же время на этом уровне можно наблюдать специфику авторского употребления слов.

Во второй главе «Функционально-стилистическая и структурно-семантическая характеристика лексики художественных произведений К. Эрэндженова», состоящей из двух параграфов, представлена классификация субстантивной, адъективной и глагольной лексики, встречающейся в художественных произведениях писателя.

Первый параграф «Общепотребительная лексика (нейтральные слова)» посвящен рассмотрению самых разнообразных в тематическом отношении пластов калмыцкой общепотребительной лексики, охватывающей различные классы слов (части речи). Наиболее многочисленными и частотными классами слов в лексике произведений К. Эрэндженова являются имена существительные, глаголы и имена прилагательные.

Выявлены основные лексико-семантические группы (ЛСГ) субстантивной лексики: 1) лексика природы, в состав которой включена климати-

ческая, ландшафтная и географическая, анималистская (животный мир) и флористическая (растительный мир); 2) лексика хозяйственных занятий и материальной культуры; 3) лексика социальной жизни и духовной культуры; 4) онимическая лексика.

Анализ глагольной лексики позволил выявить следующие ЛСГ: глаголы движения; глаголы состояния; глаголы действия; глаголы восприятия (зрительного и слухового), глаголы мышления и речи.

В составе адеквативной лексики мы выделили следующие ЛСГ: лексика, характеризующая детали внешности, части тела человека или внешний облик; лексика, обозначающая качества и свойства человека или его характера, души; лексика, характеризующая чувства, переживания человека. Следует отметить, что в диссертации приведена лишь малая часть слов из общего объема имен существительных, глаголов, прилагательных. В основном общеупотребительные слова, используемые К. Эрендженовым, относятся к книжной лексике. Они лишены какой-либо яркой эмоционально-экспрессивной окрашенности и отличаются ясностью смысла, простотой и естественностью.

Во втором параграфе «Стилистически-дифференцированная лексика в произведениях К. Эрендженова» рассматриваются книжная, разговорная, просторечная и диалектная лексика.

Язык художественных произведений писателя стилистически достаточно разнообразен. Наряду с общеупотребительной лексикой в его произведениях выделяются стилистически дифференцированные (ограниченные в своем употреблении) слова. Стилистически окрашенная лексика делится на лексику устной речи и книжную лексику. Лексика устной речи в свою очередь подразделяется на разговорную и просторечную, которая по степени литературности является ниже нейтральной. Сложно разделить стилистически дифференцированные слова только на устно-разговорные или письменно-книжные, т.к. основная часть этих слов употребляется как в книжном, так и разговорном языке: *келх* «говорить», *йовх* «идти», *умих* «читать», *дегтр* «книга», *хөөч* «пастух» и т.д.

В данном разделе раскрываются понятия «разговорная» и «просторечная» лексика. Особенность разговорного стиля заключается, как указывает И.К. Илишкин, «в легкости и краткости предложений, в употреблении относительно свободного порядка слов, неполных предложений, сильной роли интонационных средств» [Илишкин 1967, 129].

В прозе писателя встречается разговорная лексика с употреблением изобразительных или звукоподражательных слов, междометий, частиц и образных слов. Как отмечает Л.Д. Шагдаров, звукоподражательные слова являются подражаниями, приближенными копиями тех звуков, которые человек постоянно слышит в своей жизни [Шагдаров 1962, 43].

К. Эрендженов, будучи представителем дербетского диалекта, в своих произведениях отражает все языковые особенности последнего. В результате проведенного исследования нами выделены следующие лексико-грамматические классы диалектизмов:

1. Имена существительные

1.1. Названия натурфактов. Внутри наименований природных реалий выделяются следующие лексико-семантические подгруппы:

1.1.1. Наименования растений: *зарм* (дерб. «просо, пшено») – *Аав Уттин хол орад гилгээр малтж авад, Оватин Молакадин орсмудт өгэд һуйр, өдмг, зарм авч ирдг билэ* [н.х. 1, 118.] «Отец, отправившись на речку Утту, выкопав слюду, продавал ее русским-молаканам из Оваты и приносил муку, хлеб и пшено».

1.1.2. Наименования представителей животного мира:

мис (дерб. «кошка») – *Бер мисин хумснас алдрси хулһн мет үкс гиж һарв* [н.х. 1, 62.] «Молодая женщина выскочила, словно мышка, вырвавшаяся из котей кошки».

1.2. Наименования человека. Данная лексико-семантическая группа представлена терминами родства:

аак (дерб. «мама») – *Аакан өңгрсн хавр би йир сэн меднэв* [н.х. 1, 116] «Ту весну, когда умерла моя мама, я очень хорошо помню»;

1.3. Названия артефактов. Среди обозначений разного рода искусственных реалий выделяются следующие лексико-семантические подгруппы:

1.3.1. Наименования жилых и хозяйственных построек:

зам (дерб. уст. «кухня при калмыцком монастыре») – *Та гелгз Батад хар модн доңжг өгэд, замн тал цэд зарад бэддгэн ууртн!* [н.х. 1, 57] «Вы, гелюнг, прекращайте гонять Бату к монастырской кухне за часм, снабдив его дубовым кувшином!».

1.3.2. Наименования предметов домашнего обихода:

доңжг (дерб. уст. «1. кувшин; 2. чайник удлиненной формы») – *Тер доңжгт цэ бээнэ, кезэ у* [н.х. 1, 48] «В том кувшине есть чай, паливай и пей»;

1.3.3. Наименования предметов конской упряжи, музыкальных инструментов и других предметов домашнего хозяйства:

ярндг (дерб. «кузов») – *Мууэран сегрхэ хар гериг цуцад, хойр ик ярндгта тергн дээр ачад оркв* [н.х. 1, 42] «Разобрав черную, просвечивающуюся кибитку Мууэры, погрузили на телегу с двумя большими кузовами»;

1.3.5. Наименования предметов одежды:

дахм (дерб. «нагрудный карман пиджака или сорочки») – *Хуучн кирта альчурт ораһтата хальме цэ һарһжэ авад, даһмдан дурчкв* [н.х. 1, 19] «Вытащив калмыцкий чай, завернутый в старый, не первой свежести платок, положила [его] в нагрудный карман»;

боримг (дерб. уст. «лапти из сыромятной кожи») – *Мууэра хойр арси боримган барун ирдг хайчкад, икэр цаһһжэ йовси бэддлтэ* [н.х. 1, 66] «Мууэра, бросив свои сыромятные лапти с правой стороны нижней части кибитки, по всей видимости, сильно испытывал жажду».

2. Имена прилагательные и наречия:

жанжэсалта (дерб. «1. скандальный; 2. перен. спорный»), *Хальме куукид арк зөөнэв гисити ик жанжэсалта юлн бэдэж* [н.х. 1, 196] «Сватовство калмыцкой девушки, оказывается, дело непростое»;

адта (дерб. «здорово» (в значении преувеличения), *Ямаран адта домбр цокдг күүкм!* [н.х. 1, 80] «Что за девушка, которая так здорово играет на домбре!»);

эвр (дерб. «очень», торг. *йур*), *Эзи күүки эвр сээхи гижэ дотран санв* [н.х. 1, 79] «Хозяйская девушка очень красивая, подумал про себя [Бата];

4. Глаголы:

үмсх (дерб. «1. одевать; 2. обувать», торг. *өмсх*), *Бата бийэн уһажэ авад, хувцан селжэ үмсв* [н.х. 1, 173] «Помывшись, Бата стал переодеваться»;

өмгх дерб. «мять», торг. *үмгх*, *Богта... хойр һарари хуучн картусан өмгн бээж келв* [н.х. 1, 186] «Бокта ... стал говорить, тербя при этом в руках старый картуз».

Разумеется, мы привели не все примеры употребления диалектной лексики в прозе К. Эрендженова. Но уже и этих иллюстраций, на наш взгляд, достаточно, чтобы сделать вывод о естественности использования писателем диалектизмов, относящихся, в основном, к лексике материнской культуры калмыков, придающих идностилю К. Эрендженова неповторимое своеобразие, свежесть образов, особую выразительность.

Диалектные лексические элементы языка писателя не вступают в противоречие с лексическими единицами, составляющими общеупотребительную систему языка, а органично вписываются в ткань художественного произведения, демонстрируя возможность сосуществования компонентов двух подсистем (общеупотребительной и диалектной), являющихся неотъемлемой частью единой системы национального языка.

Третью главу «Стилистические возможности лексики и фразеологии в художественных произведениях К. Эрендженова» составляют 5 параграфов (синонимы, антонимы, омонимы, фразеология и устаревшая лексика).

Наиболее эффективным принципом функционально-стилистической классификации лексики художественного произведения является семантико-стилистический принцип. Он учитывает, каким образом слова языка соотносятся с существующими в нем стилями. Обогащение языка происходит не только за счет новой лексики, но и в результате появления синонимов, развития многозначности слов, их метафоризации. К. Эрендженов широко использовал эти лексические возможности в своей творческой деятельности.

В первом параграфе данной главы ставится задача раскрыть экспрессивный потенциал лексики и фразеологии языка К. Эрендженова, выявить лексические средства, создающие образность и выразительность художественной речи. Синонимия является универсальным языковым явлением, охватывающим все уровни языка. По мнению Д. Д. Санжиной, синонимию следует рассматривать как «вариативность языкового выражения в системе лексики. Она составляет резерв языка, позволяющий разнообразить формы выражения определенного лингвистического содержания, и представляет собой основу для функционально-стилистического и экспрессивно-стилистического плана» [Санжина 2001, 17]. В калмыцком литературном

языке к лексическим средствам, создающим экспрессивность художественного текста, относятся синонимы, фразеологические конструкции, а также образные средства языка.

В прозе К. Эрендженова синонимическая лексика в зависимости от определенных различий в значении или употреблении подразделяется на четыре основных типа:

1. Абсолютные или тождественные синонимы. Это самый простейший вид синонимов, значения которых полностью совпадают или очень близки. В них отсутствуют оттеночные или стилистические признаки. Так, например: *хурди* – *шулун* «быстрый, скорый»; *дасх* – *сурх* «учиться»; *зэнглх* – *зарлх* «объявлять, сообщать»; *уурлх* – *шоодх* «ругать»; *эмнг* – *зерлг* «дикий»; *чапһ* – *бат* «крепкий»; *күр* – *күүндөр* «беседа, разговор» и т.д.

К этому разряду можно отнести диалектные синонимы, часть которых может функционировать в литературном языке на почти равных правах: *хама?* (дерб.) *альд?* (торг.) «где?»; *хамаран?* (дерб.) *альдаран?* (торг.) «куда?»; *ардакиан* (дерб.) *гедргэн* (торг.) «назад»; *таг* (дерб.) *тэвц* (торг.) «полка»; *буудя* (дерб.) *зарм* (торг.) «зерно» и т.д.

2. Идеографические (или семантические) синонимы, т.е. синонимы, лишь близкие (а не тождественные) по значению. Их называют также понятийными синонимами. Такие синонимы различаются семантическими оттенками и употреблением, выполняют функции замещения и уточнения. Например: *хаалһ*, *эжим*, *цувг* «дорога, тракт; путь, тропа»; *хайрха*, *шуурха*, *цоорха*, *шуурха-буурха* «щель, отверстие, дыра; дырявый, разорванный»; *угатя*, *уга-яду*, *яду* «бедный, неимущий», *Нег дэжэс манахна Монца Ольда гинэд угатя күүнэ һанцхи цоохр үкрить орсин тэрэнд орж* [н.х. I, 67] «Однажды единственная пестрая корова нашего бедняка Ольды Монцыгова зашла в посевы русских».

3. Стилистические (или эмоционально-оценочные) синонимы, т.е. синонимы, обозначающие эмоции, связанные с называемым предметом, лицом, действием и т.д., а значит, и оценку этого предмета, лица, действия и т.д. Это синонимы с тождественными значениями, выполняющие экспрессивно-стилистическую функцию. Например: *һар*, *мотр* «рука», ...*Ирсин бер тана мотрт күрхэр йовна*... [н.х. I, 60] «Пришедшая замужняя молодая женщина хотела получить ваше благословение...».

4. В семанτικο-стилистических синонимах объединяются признаки двух указанных выше разрядов – семантических и стилистических.

Во втором параграфе рассматривается антонимическая лексика, которая служит важным стилистическим средством языка К. Эрендженова. Анализ речевых антонимов характеризует их с точки зрения лексической сочетаемости и стилистических возможностей. Антонимы находят широкое применение в художественных произведениях писателя, т.к. контрастные противоречия можно показать только при помощи этого разряда слов.

Чаще всего антонимические пары образуют качественные наречия и субстантивированные прилагательные:

деер «вверху» – *дор* «внизу», *Дор цаһан, деер цаһан, төгэлцгдэн юмн узгдхи* [Н.х. 1, 102] «Что внизу, что наверху, все белым-бело, вокруг ничего не видно»;

деегийн «наверх» – *дорагийн* «вниз», *Ичр хату болад, дорагийн орн гихлэ - һазр хату болад, деегийн иһсн гихлэ – эҗивр уга болад бээх* [Н.х. 1, 184] «От стыда хочется провалиться вниз – да земля тверда, взлететь наверх – да крыльев нет»;

өмигнь «прошлое» – *хөөтгий* «будущее», *Өмигнь өөрдси, хөөтгий хольжси күн* [Н.х. 2, 139] «Человек на склоне жизни, доживающий свой век (свои дни), находящийся близко к смерти (букв. человек, который приблизился к прошлому и отдалился от будущего)» и т.д.

Противопоставляемое слово в антонимической паре может образовываться с помощью отрицательных частиц *биш, эс, -го*, например: *эвтэ* «удобный» – *эвго* «неудобный»; *идх* «есть, кушать» – *эс идх* «не есть, не кушать»; *марих* «забыть» – *эс марих* «не забыть»; *шулун* «быстрый» – *шулун биш* «не быстрый, медленный» и т.д.

Рассмотрим антонимические пары, используемые в прозе писателя:

1. Антонимы, обозначающие действие:

ас «дай» – *мэ* «возьми», *Аавм намаг – аас*, «*мэ* гих үг орсар келдг даст-ха гижэ орст бээллэ» [Н.х. 1, 115] «Мой отец отправил меня жить к русским, для того чтобы я научился по-русски говорить слова «дай», «возьми» и т.д.

2. Антонимы темпоральной и локальной семантики:

өдр «день» – *сө* «ночь», *Улм цааранднь сурх дурнь күрэд – өдрин килгси, сөөһин зүүдн болад бээх* [Н.х. 1, 115] «Так хотелось учиться дальше, что это становилось дневной мечтой, ночным сновидением»;

там «ад» – *таралц* «рай», *Тамас һарад таралцгд тусна гидг эн билтэл* [Н.х. 1, 145] «Вот что значит попасть из ада в рай (букв. из ада выйдя, в рай попасть)» и т.д.

3. Антонимы, определяющие количественный состав: *дала* «много» – *цөи* «мало»; *оли* «много, множество» – *һанц* «единственный» и т.д.

4. Антонимы, характеризующие свойства какого-л. предмета: *халуун* «горячий» – *киити* «холодный», *Гем уга! Халуун, киити хойр авцад, шарнь көдлси болх...* [Н.х. 1, 104] «Ничего страшного! Наверное, при смене жары и холода, поднялась изжога...»;

5. Антонимы, характеризующие возраст, свойства, качества животных, человека: *көггин* «старый» – *баахн* «молодой»; *цеицн* «мудрый» – *эргү* «глупый» и т.д.

6. Антонимы, обозначающие душевное и физическое состояние: *уульх* «плакать» – *инэх* «смеяться»; *эрул* «здоровый» – *гемтэ* «больной» и т.д.

Антонимы в языке К. Эрендженова используются реже синонимов, но, тем не менее, они выполняют важную стилистическую функцию - как средство создания контрастной речи и образных выражений для передачи определенных противоположных мыслей и значений, для красочного эмоционального описания событий и явлений.

В третьем параграфе рассматриваются омонимы.

Лексические омонимы – это омонимы, которые произносятся и пишутся одинаково. Они делятся на полные и неполные. К первым можно отнести *хурһи* «ягтенок» и *хурһи* «палец», *һол* «река» и *һол* «фитиль», *тавг* «пятачка» и *тавг* «большая деревянная чаша» и т.д.

Неполные лексические омонимы не всегда совпадают в своих грамматических формах, например: *ора* «вершина» и *ора* «поздно», в первом случае слово имеет множественное число (*орас* «вершины») в отличие от второго и т.д.

Грамматические омонимы (омоформы) – это слова, которые совпадают по своему звучанию и написанию только в отдельных грамматических формах и различаются по смыслу. Например, *көрә* (сущ.) «пила» и *көрә* (прил.) «мерзлый», *һар* (сущ.) «рука» и *һар* (глагол) «выйди». Иначе говоря, грамматические омонимы представлены разными частями речи.

Графические омонимы (омографы) – это слова с одинаковым написанием, но различным произношением, например: *ирэ* «пусть придет» и *ирэ* [*ирээ*] «валух» и т.д.

В прозе К. Эрэндженова омонимы встречаются гораздо реже, чем синонимы и антонимы.

В четвертом параграфе рассматривается основной фразеологический состав эрэндженовской прозы. Без анализа стилистических функций фразеологических единиц невозможно полностью раскрыть роль устойчивых сочетаний, которую они играют в анализируемых произведениях. В языке эрэндженовской прозы фразеологизмы выполняют определенные стилистические функции.

Фразеологические единицы используются в прямом и в переносном значении: *һар эҗаһиһиһ* – «не терпится (прям. руки чешутся)». *Һәҙһин һә фашисттириг толһаһиһ таслахһиһ гиһәд оркхла, бу авад хах дурһи күрәд, һар эҗаһиһнад йовһа* [А.к., 112] «Мне не терпится взять в руки оружие, чтобы обезглавить проклятых фашистов»; *һазаран һарх* – «уст. 1. надолго покинуть свой дом, уйдя или уехав куда-либо; 2. выходить замуж, оставляя родительский дом; 3. идти в люди в поисках пропитания» (прям. «выходить на улицу». – *Не, ода һазаран һарһи көвүһи, ут һаста, бат киһигтә, бәһһи эзидән сә үзгәҗ, ардан ик зөөр зөөҗ йовһ болһа* [Н.х. 1, 20] «Ну, наш мальчик, уезжающий на заработки, желаем долголетия тебе, крепкого счастья, с хорошей стороны показаться своим хозяевам и привезти назад накопленное добро».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что фразеологизмы могут быть раскрыты только в контексте. Часто устойчивое выражение совпадает с свободным словосочетанием, например: *һаран тәвх* «расписаться» и «положить руки»; *бүррән яһх* «подготовить почву и кочевье», «кочевье свое привести в порядок»).

Не менее интересным является обновление состава фразеологического оборота при сохранении его семантики. Известно, что фразеологический оборот имеет закрепленный состав слов, обладающий устойчивостью, но

нередко этот порядок нарушается, что проявляется «в замене одного из компонентов фразеологического единства синонимом или в расширении его состава новым словом» [Шанский 1990, 256.]. Например, вместо фразеологизма *уха туңһах* «глубоко задуматься, погрузиться в размышления» (букв. ум, мысль заставляя оседать) писатель употребляет словосочетания *уха гүүлэх* «задуматься» (букв. ум, мысль заставляя бегать); *уха авх* «задуматься» (букв. ум, мысль брать) с тем же значением. В данном случае слово *ухан* «ум, мысль» является одним из наиболее распространенных стержневых компонентов фразеологического построения, вокруг которого группируются другие слова. В стилистическом отношении глаголы *гүүлэх* «заставлять бегать», *авх* «брать» болсе нейтральны, нежели слово *туңһах* «заставлять оседать». Поэтому замену одного компонента фразеологизма другим следует рассматривать как стилистически необходимое средство: *Ода энүг кедү әңг кеса? – гиси бәәдл һарад, уха туңһав* [н.х.: 1, 7] «На сколько же частей его [уточн. запеченное в золе тесто] поделить, - призадумалась [Цаган]»; *Урвәжр өвги чиги дав деерән үг келл уга, уха гүүләжәх кевтә, һанзинь тәмкин үмсиг ишгилүрәр худрәж үүли бәәж зөвәрт тагчг болад одв* [А.к., 123] «Старик Урубджур, не сказав ни слова, словно о чем-то глубоко задумавшись, освобождая трубку очистителем от пепла, надолго замолчал».

Эмоциональное воздействие на читателя достигается и при замене компонентов фразеологического оборота синонимичными словами: *толһаһан негдүлх* «сговориться» (букв. «соединить головы») и *үгән негдүлх* – «сговориться» (букв. «соединить слова»). *Юн тер баги күүкклә толһаһан негдүлд йовнач?* [А.к., 27] «Что это ты стовариваешься с той учительницей?»; *Худл! Тер киивата үгән негдүлчкәд, нохас уята бәәтл терүнд көтлгәд тәвчксьһ панд меддәжәнә* [А.к., 45] «Ложь! Мне понятно, что, сговорившись с тем зловерным человеком, пока собаки были на привязи, ты позволил ему увести с собой [овцу]».

Пятый параграф данной главы посвящен устаревшей лексике. В художественных произведениях К. Эрендженова действие происходит в после-революционное время. Устаревшие слова, встречающиеся в произведениях писателя, неоднородны по степени своей архаичности, их можно разделить на историзмы и собственно архаизмы. К первым можно отнести: термины, обозначающие сословные деления, гражданские чины и звания, например *зәәсү* «зайсанг», *Эн әәмгин Цедн гидг зәәсүг Хариг гертән авч заржсаж* [н.х. 1, 21] «Зайсанг этого аймака Цеден забрал домой Хару и заставлял его у себя батрачить»; *ялч* «батрак», *Ялчир хотан уухар герүр цуврлдәд орчхав* [н.х. 1, 22] «Батраки, чтобы поесть, побрели в дом» и т.д.; слова, обозначающие орудия труда, детали упряжи, предметы быта и др.: *хавал* «дробовик»; *хойр амта хавал* «двухстволка», *Мерген мусг инәчкәд, хойр амта хавал авад, катг эргв* [А.к., 8] «Улыбнувшись, Мерген, взяв двухстволку, завернул за хлеб»; *берданк* «берданка», *Деринь шуһуд хорһләжәр хадг берданк бәәдгиг меднә* [А.к., 18] «[Мерген] знает, что в углу за подушками есть берданка, стреляющая свинцовыми пулями»; *тачанк* «тачанка», *Һурви мөрнд татси тачанк*

эмэргэн харси тоормта ... хаалһд орж авад, шүрүһэр делси хатрад йовад одв [А.к., 81] «Тачанка, запряженная тремя лошадьми, выйдя на запыленную дорогу, быстро умчалась» и т.д.

Архаизмы, встречающиеся в эрендженовской прозе, подразделяются на семантические и лексические.

Семантические архаизмы – это слова, сохранившиеся в современном языке и входящие в активный словарный фонд, но переставшие употребляться в одном из прежних лексических значений. Таких архаизмов в произведениях К. Эрендженова нами зафиксировано немного, например *зам* «уст. 1. тракт, большая дорога; путь; 2. дерб. уст. кухня (калмыцкого монастыря) встречается в обоих значениях: *Бата маңһдуртнь ... ут зам улан хаалһарн Эддрх хэлһэд делсэд харв* [н.х. 2, 15] «Назавтра Бата ... быстро пошел по длинной столбовой дороге в сторону Астрахани»; *Асхи жэисэндэн орад, номан умичкад, замһдэн бел кесн өңгэр хотан зооглчакд», тарад гер-гертэн харси баэдлтэ, э-чимэн уга* [н.х. 1, 47] «Вечером по порядку заходя друг за другом, прочитай молитвы, «отведав» приготовленную на монастырской кухне бесплатную еду, видимо, разошлись по домам, никого не слышно».

Лексические архаизмы – это такие лексемы, которые вытеснены другими словами, к примеру: *цаһалх* «ягниться» – это значение само устарело, вместо него ныне употребляется слово *хурһлх* «котиться, ягниться (об овцах)»; *ээл* «семья, семейство», отсюда *ээл хээх* «ходить по гостям» (сейчас употребляется слово *өрк-бүл* «семья, семейство»); *ула харһх* («1. бить скотину на мясо 2. свежевать (тушу)») – в настоящее время обычно употребляется *мал алх, мал харһжэ авх* «забить скот на мясо».

Многие исконные слова, широко употреблявшиеся в период литературной деятельности К. Эрендженова, в настоящее время вышли из активного фонда. Архаизации подверглась, например, номадная лексика: *мөрн тергн* «телега, запряженная лошадью»; *терм* «терме (стенная решетка кибитки)»; *туурһ* «турга (нижнее покрывало верхней части кибитки из кошмы)», *Өвгнэ көтлэж йовх тергн деер хойр терм хариулад харимг келэд, туурһар бүркжэ* [н.х. 1, 42] «На телеге, которую вел старик, прислонив две решетки, сделали шалаш и прикрыли войлочным покрывалом»; *цар тергн* «телега, запряженная волом», *...буурл өвгн ...хойр һалзн цариг зүүһэд, ... көтлэд харв* [н.х. 1, 42] «... седовласый старик... запряг двух волов с белой полосой на лбу» и т.д.

Таким образом, лексическое своеобразие языка эрендженовской прозы обусловлено использованием слов, составляющих основные стилистические пласты словарного состава калмыцкого языка. Основу авторской речи составляют преимущественно нейтральные слова, издавна бытующие в языке. Это общезвестные наименования предметов, явлений, качеств, обстоятельств, действий и состояний. Доминирует общенародная лексика, понятная носителям всех диалектов. Заметное место в лексической структуре художественного текста занимают: заимствования, диалектизмы, историзмы, архаизмы.

Четвертая глава «Изобразительно-выразительные средства в языке художественных произведений К. Эрендженова» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассматривается метафора, которая не просто называет предмет или явление, но дает его образную эмоциональную характеристику в соответствии с интенцией автора, подчеркивая какие-либо признаки. С помощью точно подмеченных метафор писатель создает портрет персонажей. Метафора помогает проникнуть в душевное состояние героя. В прозе К. Эрендженова нами выделены следующие типы метафор:

1. Метафора, связанная с повадками птиц и животных.

1.1. Характеристика положительных качеств, свойств персонажей: *Бата альви арат мет ... гүүхэд харч одв* [н.х. 1, 65] «Бата, словно шкодливый лисенок, ... выбежал за дверь»;

1.2. Экспрессия отрицательной характеристики усиливается метафоризацией названий таких животных, птиц, пресмыкающихся, как *чон* «волк», *моһа* «змея», *харцх* «ястреб» и т.д.: *Богта негл харцх шовун шүүрхэр бээх кевтэ хэлэв* [н.х. 1, 179] «Богта посмотрел так, будто ястреб на свою жертву перед нападением»;

Ноонь ... өли чон мет махиг шуучад, бүкл-бүклэр зальгад сууна [н.х. 1, 23] «Ноони, ... как голодный волк, раздирая мясо, заглатывал целыми кусками»;

...үг келж чадлго моһа кевтэ хоран дусаһад, шиигэд бээһэ «... будучи не в состоянии произнести ни слова, только шипел, как змея, распространяя вокруг свой яд»;

2. Метафора, связанная с явлениями природы и растительного мира.

В произведениях писателя часто встречаются обозначения явлений природы, которые легко поддаются метафоризации: *Эрэ сальки теегин өвсиг эцкряж үлэнэ* [н.х. 1, 59] «Легкий ветерок ласково обдувает степную траву»;

Хойр күмэсгнь хурин өми хар үүли кевтэ, чирэ деернь бархлзна [н.х. 1, 94] «Брови на лице нависли, словно черные тучи перед дождем» и т.д.

3. Метафоризация, связанная с предметами быта: *Мөңгилэ эдл мөңк на-ста болти!* [н.х. 1, 100] «Будьте долговечны, как серебро!» и т.д.

4. Метафора – олицетворение.

В создании метафорических значений видную роль играет аналогия, на основе которой происходит олицетворение, т.е. перенесение на неживые, неодушевленные предметы признаков, которые характерны для живых существ. Например: *Оватин һол сала-судлмудан судун мет сарсаһна ...* [н.х. 1, 5] «Река Овата раскидывает свои рукава, как венозные сосуды ...»; *Увлин ду-уен амрсн һазр гмдрэж йовна* [н.х. 1, 107] «Отдыхавшая всю зиму земля оживает»; *Увл өңгрэд, ... хавр болв* [н.х. 1, 106] «Прошла зима (дослов. умерла) ... наступила весна». Наиболее частым является употребление глагольных метафор.

Таким образом, метафора в художественных произведениях К. Эрендженова в большинстве случаев создается путем олицетворения. Предмет,

явление природы или отвлеченное понятие наделяются способностью выполнять психическое или физическое действие, подобно человеку. Их можно назвать и своеобразным, художественным антропоморфизмом – очеловечиванием: предметам неживой природы приписываются чисто человеческие свойства, свойства существа мыслящего и, соответственно, действующего осознанно и целеустремленно.

Второй параграф посвящен сравнениям. В эрендженовской прозе в зависимости от функционально-стилистических признаков встречаются разные и необычные сравнения. Сравнения, употребляющиеся в произведениях писателя, условно можно разделить на следующие группы:

1. Сравнения, основанные на аналогии с повадками животных, птиц: *мишин хумнас алдрн хулһн мет* «словно мышка, выравшаяся из когтей кошки»; *цог шиксн ноха мет* «как собака, наступившая на горячие угли»; *зөөгт хатхулсн мөрн мет* «словно ужаленная пчелой лошадь»; *үргсн төмөнэ бээдл харх* «быть похожим на перепуганного верблюда»; *чоһын үнр соңсн үкрмүд кевтэ* «как перепуганные коровы, почуявшие запах волков»; *эзэн таньсн ноха шарвадх* «вильять хвостом, словно пес, узнавший хозяина»; *цаяха болж улах* «покраснеть, как рак» и т.д.

2. Сравнения, связанные с природными явлениями, которые передают яркими зрительными и звуковыми образами: *бууһин дун оһтрһун дун мет* «звук от выстрела ружья подобен раскату грома»; *хү салькн шигтэ утһн мет дуһрна* «вихрь кружит, словно веретено»; *цаасһн салькн үлэжэх мет чичрэд бээнэ* «бумага дрожит, как будто дует ветер»; *хортһна цергэ сумн хур мет асхрв* «вражеские пули ливнем посыпались» и т.д.

3. Сравнения, отражающие обычные предметы, повседневный быт калмыков: *һарчах тоосн шикэ герин өркэс һарчах утан мет* «пыль похожа на дым, идущий из дымохода кибитки»; *нохас һасн бууһин сумн мет таржэ одв* «собаки разбежались, словно дробь, выпущенная из ружья»; *бүлэн нульмсн хээллкһсн хорһлэжһн мет долдалһна* «теплые слезы капали, словно расплавленный свинец» и т.д.

Функционально-стилистической особенностью произведений писателя является то, что в них удачно используются рифмованные сравнительные конструкции, состоящие из двух равнозначных частей. Например: *сур кевтэ сунад, суха кевтэ улаһад* «вытянувшись, как ремень, краснея, как таволжанка»; *өөкн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уург мет* «как почки в жиру, как желток в яйце (как сыр в масле)»; *барань батһһин дүңгэ болад, харань харадан чиггэ болад* «очертанием величиной с муху, на вид как ласточка».

Зафиксированы и калькированные выражения с русского языка. Как известно, калькирование представляет собой один из продуктивных приемов образования лексики. Так, например: *Мини үңг-дэңг һарһинь тавн хурһн мет меднэ* [А.к., 117] «Он знает мою родословную как свои пять пальцев»; *Амидан ус балһсн кевтэ, пег чигн күн ду һарһи* [П.х. 1, 136] «Словно в рот воды набравши, все молчат».

В результате рассмотрения сравнительных конструкций, стилистически обусловленных контекстом, можно отметить, что писателю удалось передать не только изображаемые предметы и явления действительности, но и свое внутреннее состояние.

В третьем параграфе рассматриваются эпитеты, которые можно разделить на следующие группы по способу восприятия:

1. Эпитеты, передающие зрительное восприятие: *чим хар мөрн* «вороной конь»; *өткн хар утан* «густой черный дым»; *күчтэ хар паровоз* «мощный черный паровоз»; *ик өндр нурһта, биидэи зөв махта залу* «очень высокий, в меру упитанный мужчина»; *цал буурл өвги* «совершенно седой старик» и т.д.

2. Эпитеты, передающие обонятельное восприятие: *капкнн сээхн үнр* «благоухающий запах»; *мөрнэ шувтр колснэ үнр* «едкий запах конского пота» и т.д.

3. Эпитеты, передающие слуховое восприятие: *таш гинэд инэв* «взорвался смехом»; *кард гинэд кекрв* «громко рыгнул»; *кулд зальгх* «звучно глотнуть» и т.д.

4. Эпитеты, передающие осязательное восприятие: *чиштэ шал усн шалвр* «насквозь мокрые брюки»; *адргта хаалһ* «неровная, ухабистая дорога» и т.д.

В произведениях К. Эрендженова широко представлены также эпитеты, передающие временные понятия: *зунын сул сар* «последний летний месяц»; *хаврин нарн* «весеннее солнце» и т.д.; эпитеты, передающие качества характера человека: *киштэ буйнта күн* «счастливым благочестивый человек»; *зэмтхэ күн аңууч биш* «трусливый человек не охотник»; *Хар йоста аңууч күн* «Хара настоящий охотник»; *цөн үгтэ күн* «немногословный человек» и т.д.; эпитеты, характеризующие предметы быта в жизни калмыцкого народа: *бор, хуучн ишкэ гер* «серая (от грязи) старая войлочная кибитка»; *шуурха боримг* «рваные лапти из сыромятной кожи»; *илгн шалвр* «штаны из необработанной шкуры»; *дулан арси девл* «теплая шуба из овчины»; *хар будан* «черная похлебка»; *көгжрсн иүүрмг* «заплесневевший сушеный tvorog». При помощи таких эпитетов писатель подробно характеризует предмет со всеми его отличительными качествами и свойствами.

Таким образом, эпитеты в прозе К. Эрендженова носят в основном оценочный характер, определяют предметы, явления, действующих лиц, обозначают их функции.

Писатель использует все значения слов – свободные, фразеологически связанные, функционально-синтаксически ограниченные и конструктивно-обусловленные, но все же явное предпочтение отдает переносно-фигуральным, которые уже сами по себе обладают образно-характеристическими возможностями.

В пятой главе «Стилистический потенциал лексики малых жанров калмыцкого фольклора, зафиксированной в прозе К. Эрендженова» рассматривается лексика паремнологических текстов (пословиц, поговорок, примет и т.д.).

Вводя пословицу или поговорку в текст, писатель выражает свое эмоциональное отношение к событиям, персонажам, стремясь вызвать у читателя эмоции, созвучные авторскому замыслу. Например, *зууднд ори уга зэңг өврт ордг* «в груди (в душе) вмещается и то, что даже во сне не увидишь» (сердце все терпит); *көөдхнй хээсн, цеврлдгнь – хээсч* «пачкаст сажей котел, а чистит повариха».

О самобытности калмыцких пословиц и поговорок, зафиксированных нами в анализируемых текстах, свидетельствует их тематическое своеобразие. В них обычно говорится о таких общественных, бытовых, исторических явлениях, которые были характерны для жизни калмыцкого народа в тот период.

Пословицы и поговорки в произведениях К. Эрендженова можно разделить на следующие группы:

1. Пословицы и поговорки, включающие устаревшую лексику (историзмы):

Выявленные в прозе пословицы и поговорки содержат архаические компоненты:

Хан кун нег зарлгтэ, харцх шовун нег шүүрлһтэ [А.к., 78] «Хан раз приказывает, ястреб раз нападает (не промахивается)»;

Толһа мөнд йовсн хөөн токуг, шиврлг олдх [А.к., 111] «Если голова цела, то токуг и шиверлег (женские украшения) найдутся»;

Нойна хээри нохан зо деерк цасн мет [А.к. 31] «Жалость нойона подобна снегу на хребте собаки»;

Хан күүнд хазар уга, нойн күүнд ногт уга [А.к. 45] «Для хана нет узды, для нойона – недоуздка».

2. Пословицы и поговорки, отражающие социальное неравенство: *Байна – хавтхднь, угатын – седкднь* [н.х. 1, 55] «Богатство богача – в его кармане, богатство бедного – в его душе»;

Сэн улсин нааднд му күүнэ амн харна [А.к., 47] «Во время забавы знатно-го теряет жизнь простолюдин»;

Нохала наадси – хорма уга, нойнла наадси – толһа уга [А.к., 31] «Понграешь с собакой – останешься без полы, понграешь с нойоном – останешься без головы».

Отдельно можно отметить пословицы и поговорки иронического характера:

Амнь харцһр болв чигн, байн күүнэ көвүн келтхэ [А.к., 58] «Хоть и с искривленным ртом, пусть говорит сын богача»;

Күүнэ мөр унси кун – өвкэджэ хатрдми [А.к., 59] «Человек на чужой лошади скачет расхлябанно»;

Мөңгтэ кун мөсн деер чигн жирһдми [А.к. 77] «Богатый человек и на льду будет пировать» (синоним – *Мөңгтэ кун тамин амн деер чигн жирһдми* «Богатый человек и на краю ада будет пировать»).

3. Пословицы и поговорки, отражающие семейно-родственные отношения:

Зесин сәнь зеврәмн биш, зе-наһцирин сәнь мартидәмн биш [А.к., 17] «Хорошая медь не ржавеет, племянник и дядя (по матери) не забывают друг друга»;

Усна эки – булг, уургин эки – наһцир [А.к. 10] «Начало воды – родник, начало человеческой жизни – родственники по материнской линии»;

Экин седкл үрнд, үрнә седкл көдәд [А.к. 83; Н.х. 1, 9] «Мысли матери – о детях, мысли детей – о степи»;

Зееһин келн хорн, наһциһин һар күнд [Н.х. 1, 186; 2, 11] «Слова племянника обидны, рука дяди (по матери) тяжела».

4. Пословицы и поговорки, включающие скотоводческую лексику: *Мәәлә-мәәлә йовәж мал болдг, ууля-ууля йовәж күн болдг* [Н.х. 1, 52] «Скотина блест-блест и вырастает, а дитя плачет-плачет и в люди выходит»;

Шовуд кедү һуужмла һарһсинь намрләж меддми [А.к., 108] «Цыплят по осени считают»;

Мал асрн куунә амн тоста [Н.х. 1, 136] «Кто ухаживает за скотом – у того рот в масле».

Анализ пословиц и поговорок, фразеологизмов, использованных в эрендженовской прозе, показал, что язык художественных произведений, как и народно-разговорная речь, нуждается в метких изречениях для характеристики персонажей, тех или иных событий, связанных с идейным замыслом произведения. Использование той или иной пословицы и поговорки в речевом контексте придает ей конкретное, адресное звучание. Таким образом, фразеологизмы, пословицы, поговорки используются писателем в случае необходимости вынести оценку тому или иному событию, явлению в тексте, дать эмоциональную характеристику предмету речи. В художественном тексте фразеологизмы выступают в роли разных членов предложения, а пословицы и поговорки могут составлять отдельные высказывания.

В заключении подводятся основные итоги работы и определяются перспективы дальнейших исследований в области лингвостилистики.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в журналах, включенных Президиумом ВАК Министерства образования и науки РФ в перечень ведущих научных журналов:

1. Очирова Н.Ч. *Стилистическое своеобразие фразеологических сочетаний в художественных произведениях К. Эрендженова* // Научная мысль Кавказа. № 4 (2). Ростов-на-Дону, 2008. С. 73–76.

2. Очирова Н.Ч. *Диалектная лексика в художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова)* // Научная мысль Кавказа. № 1 (2). Ростов-на-Дону, 2011. С. 68–71.

3. Очирова Н.Ч. *О деепричастиях и деепричастных оборотах в романе К. Эрендженова «Һалан хадһл»* // Вестник КИГИ РАН. № 1. Элиста, 2011. С. 132–135.

в различных научных сборниках:

4. Очирова Н.Ч. Лексико-семантическая характеристика сравнительных конструкций в произведениях К. Эрендженова // II-я межрегиональная научная конференция «Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы». Вып. 3. Элиста, 2005. С. 237–240.

5. Очирова Н.Ч. О роли фразеологизмов в произведениях Б. Дорджиева «Верный путь» и К. Эрендженова «Сын охотника» / I-е Бертагаевские чтения (к 100-летию со дня рождения Т.А. Бертагаева). Элиста, 2005. С. 147–152 (в соавторстве).

6. Очирова Н.Ч. Лексика свадебных обрядов в калмыцком языке (на материале произведений К. Эрендженова) // II-я республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Молодежь и наука: третье тысячелетие». Элиста, 2006. С. 63–68.

7. Очирова Н.Ч. Лексика, отражающая хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства, в произведениях К. Эрендженова // Вестник КИГИ РАН. № 3. Элиста, 2008. С. 45–48.

8. Очирова Н.Ч. Буддийские личные имена в романе «Һалан хадһл» К. Эрендженова // Сборник Материалов Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста, 2009. С. 102–105.

9. Очирова Н.Ч. Заимствования в художественных произведениях К. Эрендженова // Сборник материалов Международной научной конференции «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований», посвящ. 70-летию проф. В.И. Рассадина. Элиста, 2009. С. 148–150.

10. Очирова Н.Ч. Отражение танцевального фольклора в творчестве К. Эрендженова и А. Сусеева // Сборник Всероссийской научно-практической конференции «Танцевальный фольклор народов России». Элиста, 2010. С. 209–213.

11. Очирова Н.Ч. Этнокультурные ценности фольклора в калмыцкой прозе (на материале творчества К.Э. Эрендженова, А.Б. Бадмаева, А.Г. Балакаева) // Материалы Международной научно-практической конференции «Научно-образовательная деятельность в условиях этнокультурно коннотированной компетентностной модели образования». Элиста, 2010. С. 118–122.

12. Очирова Н.Ч. Ономастическое пространство художественного текста (на материале прозы К. Эрендженова) // Вестник КИГИ РАН № 2. Элиста, 2010. С. 55–59 (в соавторстве).

13. Очирова Н.Ч. Аялга үг К. Эрэнжэнолагийн үргэлжилсэн үгийн зохиолын хэлний яруу хэрэглүүр болох нь (Междометия как выразительное средство в языке художественной прозы К. Эрендженова) // Bibliotheca Oigatica XXIII. Халимагийн монгол судлал. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2011. С. 204–210.

Подписано в печать 09.12.2011 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 1,3. Тираж 100 экз. Заказ № 4

Отпечатано в лаборатории научно-технического и
информационного обеспечения УРАН КИГИ РАН
358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8